

АННА
ДЕТЕКТИВ
ПО ФРЕЙДУ
ДАНИЛОВА

САМЫЙ БЛИЗКИЙ

Она любит его по-настоящему, одна — жертва и собой,
другая — уличившая все на своем пути...

ДЕМОН

Анна Данилова
Самый близкий демон
Серия «Марк Садовников», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183823
Бронзовое облако: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-18912-2*

Аннотация

В городском парке убили молодую женщину прямо рядом с коляской, в которой надрывалась от крика ее маленькая дочь. Следователь Марк Садовников отрабатывает самую очевидную версию: преступление совершил муж жертвы Валерий Крупин. На рукаве его куртки найдена кровь Виолетты.

Как выяснилось в ходе следствия, Крупин давно любил другую, хотел развестись. Но любовница подозреваемого твердит одно: Валера не убивал.

Кроме того, обнаружилось, что Виолетта тоже не ангел, а ее таинственный респектабельный обожатель с трудом мирился с холодностью неприступной красавицы...

Содержание

1	5
2	11
3	16
4	20
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Данилова Самый близкий демон

Дорогой писатель Литрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

1

Она оттягивала этот визит до последнего момента. Знала, что все равно позвонит в эту дверь и первая заговорит с этим мужчиной, но все не решалась. Хотя мысленно уже давно все сказала ему, нет, не о своих чувствах, на это она бы уж точно не решилась, речь пошла бы совсем о другом. И ей было тяжело признаться себе в том, что знакомство с ним произойдет таким вот странным образом, что она обратится к нему за помощью. Еще ей было стыдно за то, что тот повод, который теперь послужит их знакомству, уж точно не вызовет у него подозрений: все-таки убит зять. Муж сестры. А это невозможно выдумать. Мишу нашли в его же собственной квартире мертвым. Он выпил отравленную минералку и умер. Кому понадобилось его убивать – непонятно. Совершенно ничтожнейшая личность, ничего особенного собой не представлявшая, какой-то там менеджер в мелкой фирме, кому он мог перейти дорогу? Разве что он просто кому-то не понравился, потому что такой тип, как Миша, не мог понравиться, по мнению Риты, никому. Разве что ее сестре Наташе. Но и Наташа не была способна на такой решительный шаг, хотя и ее терпению тоже пришел конец, и она не так давно поделилась с Ритой, что собирается развестись с Мишей. А тут и разводиться не придется. Как все хорошо сложилось! Рита иногда приходила в ужас от собственных мыслей и была рада тому, что хотя бы мысли еще не научились читать и многое из того, что происходит в ее душе и голове, никогда не станет достоянием других. Миша умер. Да здравствует другой мужчина, которого страдала Наташа когда-нибудь все-таки встретит! И этот другой мужчина будет в миллион раз лучше Миши. И она заживет счастливой, спокойной жизнью. Рита улыбнулась своим мыслям.

Рита была художница, хотя профессионального образования никакого не получила. Просто рисовала с детства, причем рисовала, по ее мнению, не очень хорошо, но людям нравилось. Конечно, какие-то азы она переняла от своей подруги детства, окончившей художественную школу и училище, но для себя она все равно решила, что рисовать всегда будет так, как хочется ей, и – чем хочется. Главный принцип художника, сказала ей подруга, это рисовать не то, что ты знаешь, а то, что видишь. Этого Рите хватило с избытком. И она рисовала. Везде и всем, что попадалось под руку. Она знала, что грешит формой, зато была спокойна за цвет. И ей не было дела до того, что на итальянской бумаге для пастели она спокойно, без зазрения совести сочетала как меловую, так и масляную пастель, добавляла, где надо, акварель и гуашь, а иногда даже, если требовал цвет, и масло... Для достижения желаемого эффекта она пользовалась всеми подручными средствами: топила воск и разбрызгивала его на бумаге, печатала влажным от краски куском марли фон...

В своем первом замужестве она была несчастлива, как бывают несчастливы не знавшие любви молодые женщины, а потому даже не удивилась, когда узнала, что у ее мужа появилась любовница, причем ее бывшая подруга... Но к тому моменту Рита и сама была готова к разрыву, поэтому восприняла развод даже как спасение. К тому же считавшая себя ленивой от природы Рита поняла, что замужество – это труд, а трудиться она не любила. Да и как можно трудиться над отношениями? Она пришла к выводу, что единственный приемлемый для нее образ жизни – это жить одной и рисовать. Все. И это счастье, что ее картины продавались. Она даже представления не имела, чем бы могла заниматься, если бы не живопись. Наверное, умерла бы с голода.

Рите было тридцать пять лет. Среднего роста, стройная, с густыми золотистыми волосами, она всегда привлекала внимание мужчин, но редко когда позволяла им войти в свою жизнь. Разве на пару дней, реже – на неделю. Знакомство происходило, как правило, по ее инициативе. Она видела красивого или интересного, на ее художнический взгляд, мужчину

и приглашала его позировать ей. Практически все соглашались. Мужчина, оказавшись в ее мастерской, почему-то сразу решал для себя, что портрет – это всего лишь уловка одинокой молодой женщины, и чуть ли не в первую же встречу пытался проявить себя как мужчина. И Рита, понимавшая это, сначала принимала эту игру: после сеанса, длившегося часа два, она кормила мужчину, угощала хорошей выпивкой, но потом, неожиданно для гостя, выпроваживала его домой. Некоторые возвращались, некоторые в глаза называли ее стервой. Но ей было все равно. У нее была своя жизнь, у них – своя.

За десять лет активной работы Рита сумела выкупить квартиру этажом ниже и пробить отверстие для винтовой лестницы, соединявшей первый и второй этажи пятиэтажной «сталинки». Таким образом, на первом этаже она разместила свою мастерскую и салон, наверху устроила гостиную, спальню и кухню с ванной. По сути, это было пределом ее бытовой мечты. Теперь она чувствовала себя хозяйкой почти двухсот квадратных метров и каждый раз, просыпаясь в своей огромной розовой спальне, убеждалась в том, что та жизнь, которую она вела, была единственно правильной, разумной. У нее не было хозяина, который указывал бы ей, чем заниматься и когда. Она спала, сколько хотела, работала по желанию и строила свой день так, как считала нужным. У нее появились странные привычки вроде ночных прогулок по набережной, которые, с одной стороны, вдохновляли ее, с другой – щекотали нервы... Рита купила себе даже пистолет на тот случай, если вдруг на нее нападут... Но никто не нападал, хотя убийств и разбойных нападений в городе бывало предостаточно... И квартиру ее никто не грабил, хотя сейчас, когда у нее был кругленький счет в банке, оттуда было что выносить... Да хотя бы коллекцию старинного фарфора! Или шкатулку с драгоценностями.

Сосед, Садовников, каждый раз при встрече бросал на Риту похотливые взгляды. Иначе охарактеризовать их она не могла. Она нравилась ему, и Рите доставляло удовольствие демонстрировать ему свое безразличие. Хотя на самом деле ей казалось, что она в него влюблена. Садовникову на вид было лет сорок с небольшим. Сначала он жил с женой, но потом, судя по тому, что она исчезла, он ее либо убил, либо они развелись. Кем он работал, она понятия не имела. Когда же видела его в синей форме, думала, что он военный или милиционер. Но больше всего ей нравилось, когда он был одет просто – в джинсы и свитер. Рита и сама любила джинсы, хотя и считала это плебейской формой одежды. Садовников был высокий, худощавый, у него была красивая голова с густыми темными волосами, впалые щеки, до которых так и хотелось дотронуться, пощупать, колючие они или нет. Однажды она увидела его небритым и так отчего-то разволновалась, что не смогла всю ночь уснуть. Так и хотелось встать, позвонить в его дверь и попросить соли. Но она не встала, не попросила.

Самым драгоценным в его внешности были, конечно же, глаза. Они меняли свой цвет в зависимости от освещения в подъезде: от небесно-голубых до зеленоватых, как морская волна. А чего стоили черные густые ресницы, сторожащие эти прозрачные голубоватые изумруды... Она еще ни разу не попросила его позировать ей. Она не хотела иметь его портрет. Он был нужен ей живой и теплый. Но – не брать его ни в мужья, ни в любовники, а так – нужен как дорогая необычная вещь, как произведение искусства, которое можно держать в квартире под стеклом. Вот если бы можно было его купить!!!

И вот вдруг, когда она собралась было уже сама зайти к нему, когда случайно от соседей узнала, что он – следователь прокуратуры, ведущий дело об убийстве Миши (что было воспринято ею как знак судьбы, не меньше), он пришел к ней сам.

– Вы – Маргарита Орлова? – спросил он, и она услышала совсем близко его голос, от которого ей стало как-то странно, даже ноги подкосились. Она вышла к нему в серой саржевой юбке с разрезом от талии. Кофточка едва прикрывала грудь, а в пальцах, обтянутых

хирургическими перчатками, были зажаты наподобие гаванских сигар кисти, с которых едва не капала свежая – малиновая, рубиновая и алая – краска (она писала гранаты на хрустальном блюде). Рабочий момент, рабочая одежда...

– Да, я Маргарита. Вам соли?

– Почему соли?

– Все соседи ходят друг к другу за солью...

– Нет, мне бы поговорить с вами. Я следователь прокуратуры... – И тут она наконец-то услышала его имя. – Марк Александрович Садовников. Представляете, это я веду дело вашего зятя...

Она смотрела на него и мысленно смешивала на палитре краски, желая достигнуть нужного оттенка: его глаза переливались при дневном солнечном свете, невозможно было уловить какой-то определенный цвет.

– Вы как будто бы и сами удивлены... – заметила она несколько смущенно.

– Конечно! Мы же с вами соседи, и я веду дело вашей сестры... или зятя... Хотя какая разница...

– Вот именно. Проходите, пожалуйста.

Она впустила его к себе, как людоеды впускают к себе свою будущую жертву. И захлопнула дверь, в душе радуясь столь неожиданному визиту.

Она усадила гостя в кухне, не желая раньше времени шокировать его своей гостиной, увешанной картинами и заставленной старинными вазами (все чрезмерно, в избытке, картина на картине, ваза на вазе, а роз в вазах столько, что задохнуться можно). Ей казалось, что для такого официального визита подойдет и просторная зеленая кухня с блюдом апельсинов в центре круглого стола.

– Я расследую дело об убийстве вашего зятя, Михаила Анатольевича Генса.

– Знаю. Недавно узнала от соседей. Конечно, была удивлена. Вы, наверное, хотите задать мне вопросы... о Мише...

– Хотелось бы. Насколько близко вы были знакомы с вашим зятем?

– Честно? Лучше бы я вообще не была с ним знакома. Я понимаю, что о покойниках так не говорят, но я недолюбливала Михаила. Понимаете, я вообще-то мужчин не очень люблю. – Она была даже рада, что имеет возможность высказать ему свое мнение о мужчинах. Ее почему-то нисколько не смущал тот факт, что и Садовников тоже мужчина. Она была уверена, что он поймет ее именно так, как ей это было нужно. – С ними нужно возиться, нянчиться, постоянно оправдывать их самые гнусные поступки... И моя сестра, ангел, она именно так и поступала. Миша не пришел ночевать – остался у друга, он же имеет право на личную жизнь, брак – это же не тюрьма... Миша пришел на рогах – он имеет право расслабиться, у него тяжелая работа. Хотя никакая она не тяжелая. Менеджер! Их сейчас как собак нерезаных. Мишу в ресторане с другой женщиной видели – это его сотрудница, случайно в одном ресторане оказались... Главное ведь – поверить мужу. Так всем спокойнее... Это философия моей сестры. Думаю, она сама ее себе придумала, чтобы было легче жить.

– Выходит, ваш зять любил выпить, приударить за другими женщинами... А ваша сестра? Она так и намеревалась терпеть все это?

– Думаю, да. Она не из числа решительных женщин, которые придерживаются иных принципов: ведь жизнь одна, невозможно постоянно страдать и ждать, что на тебя свалится счастье... Она не умеет действовать, не знает даже, бедняжка, с чего начать. Она воспринимала Мишу как данность, как если бы он был, скажем, ее братом, понимаете?

– Скажите, вы говорите все это сейчас мне нарочно, чтобы убедить меня в том, что ваша сестра не причастна к смерти своего мужа?

– Я говорю вам правду. Наташа не убивала Мишу. Это невозможно. К тому же ее вообще в момент смерти мужа не было в городе. Вы же отлично знаете, что она вместе с

мамой была на даче. Пошла земляника, они варили варенье. И это могут подтвердить все наши соседи по даче.

– Так-то оно так, но всыпать яд в бутылку с минералкой можно было и раньше...

– Вы пришли спросить меня мое мнение по этому делу, вот я вам и отвечаю: моя сестра не могла убить своего мужа.

– А у нее не было другого мужчины?

– Думаю, что нет. Она слишком дорожила Мишей, чтобы позволить себе кем-то увлечься... Попросту боялась завести себе любовника, если уж вы хотите, чтобы я называла вещи своими именами. Нет, я просто уверена, что у нее никого не было.

– Понимаете, мы проработали несколько версий, опросили его друзей, сослуживцев... И, знаете, никто особенно-то и не сожалеет о его смерти... Что был человек, что нет – все равно. Это впервые в моей практике, когда люди вот так равнодушны к смерти живущего рядом человека. Некоторые охарактеризовали его как тихого и безобидного субъекта, некоторые говорили, что у него тяжелый характер, что он был постоянно недоволен своей жизнью, что у него были сложности в семье, что его жена не хотела иметь детей, не доверяла ему...

– У нее происходили выкидыши, но он считал, что она делает аборты. Согласитесь, это две большие разницы. Знаете, никогда бы не подумала, что мы с вами будем обсуждать гинекологические проблемы моей сестры и тем более смерть ее мужа.

– Маргарита, вашего зятя отравили, понимаете? Значит, это было кому-то нужно.

– Безусловно. Я тоже думала об этом. Вот если бы он упал и разбил себе голову, то да, это понятно: несчастный случай. Или что-то со здоровьем, к примеру. Тоже все понятно. Но яд в минералке? Кому понадобилось убивать его – не представляю.

– Ваша сестра выглядит подавленной.

– Думаю, она просто не осознала еще своего счастья. Ведь она теперь совершенно свободна.

– Неужели ваш зять был таким уж ничтожным человеком, если даже вы отзываетесь о нем таким образом?

– Просто вы не были с ним знакомы. К счастью. Знаете, до чего я додумалась, когда размышляла о причине, толкнувшей кого-то всыпать яд в бутылку с минералкой? Его могли убить просто как свидетеля. Я всегда считаю так: если нет видимой причины, значит, убили как свидетеля. И тогда все встает на свои места. Или же, что совершенно не подходит к Михаилу, он вел двойную жизнь. Был, предположим, подпольным миллионером, перешел кому-то дорогу. Но это я так, смехом... У него были куриные мозги. Он ничего не мог. Я вот о чем еще думаю: убийца побывал в его квартире. Значит, Миша его впустил. Когда – одному богу известно, но впустил. Вряд ли убийца из числа незнакомых ему людей... Хотите чаю?

Она знала, что он не откажется от чая, а потому встала из-за стола, даже не дожидаясь ответа. Включила чайник, поставила на стол фарфоровый чайничек для заварки.

– Это императорский фарфор... Я не понимаю людей, которые держат такие красивые вещи за стеклом... – сказала она и тут же представила себе Садовникова, одетого в строгий черный костюм, белую сорочку и синий в белую крапинку галстук – и под стеклянным колпаком, как в музее. Улыбнулась своим мыслям. – Я вот предпочитаю пить чай из таких чудесных чашек...

На столе появились маленькие, напоминающие формой ландыши, бледно-зеленые чашечки, украшенные позолотой.

– Знаете, я немного обманула вас. Зачем? И сама не знаю. Наташа хотела развестись с ним. И сказала она мне об этом совсем недавно. Я вам только что сказала, что она не из решительных, но тут, буквально на днях, произошло одно событие... Даже не событие, нет... Не знаю, как и сказать... – Рита достала большую золотистую жестяную банку с чаем

и щепотью всыпала чай в ошпаренный кипятком фарфоровый чайничек. Она не знала, что Садовников, слушающий ее, на какое-то время едва не лишился чувств, любясь ее движениями и тем, как она тонкими пальцами сыплет в чайник чай. У него чуть голова не закружилась от удовольствия наблюдать за ней.

Он, в силу своей профессии, в отличие от нее, знал о своей соседке многое. Во всяком случае, ему было отлично известно ее имя, род ее занятий и то, что она не замужем. Всякого мужчину, что входил в дверь ее квартиры, он готов был убить. Он ревновал ее к ним так, что начинал понимать всех тех убийц, что проходили через его руки следователя прокуратуры по причине ревности. Жгучее чувство, сильнейшее, болезненное, почти смертельное... Рита Орлова, художница, тридцать пять лет, нигде не работает, живет на то, что заработает продажей своих картин. Он специально заходил в салоны живописи, магазины и галереи, где могли быть выставлены работы Маргариты Орловой, и каждый раз удивлялся тому, что ее картины всегда висят на самом видном месте, в дорогих рамках и стоят немало... Еще он знал, что, будь у него много денег, он скупал бы абсолютно все ее картины, потому что, глядя на них, ему становилось отчего-то тепло, уютно и просто хорошо. И все его мысли и чувства как-то просветлялись, наполнялись солнечным светом – ему хотелось жить. Они словно заряжали его, напитывали любовью. Натюрморты с фруктами, цветы, много цветов, а еще – портреты каких-то неземных женщин, одиноких, застывших то у ночной лампы с задумчивым и грустным лицом, то возле окна или просто смотрящих с холста с немим упреком...

«У нее есть сестра, зовут Маргарита Орлова, она живет где-то в твоём районе... Нет, постой, да она же твоя соседка!» Вот так неожиданно в его сухом, пыльном и душном кабинете прозвучало ее нежное имя. В контексте с убийством какого-то Генса. Оказывается, Маргарита не одна на белом свете, как сначала могло показаться Садовникову: у нее была мать, сестра, а у сестры еще не так давно был муж, Генс.

– Орлову я навещу сам, – сказал он своему коллеге, Леве Локоткову. – А ты займись ее матерью...

И вот теперь он сидит у нее дома, в прелестной зеленой кухне, заставленной вазами с полевыми цветами, помешивает ложечкой чай в хрупкой, стоимостью в чугунный мост, антикварной чашке и слушает ее довольно-таки безалаберный рассказ о погибшем зяте. Или художница Рита совершенно черстовое создание, лишенное сострадания, либо Генс – настоящее чудовище. Марк был склонен принять вторую версию. Он сходил с ума от своей соседки и до сих пор не мог поверить в то, что он вот так запросто, по делу, зашел к ней и теперь имеет право задавать ей какие-то вопросы. Конечно, ему, как мужчине, пора было давно постучаться в эту волшебную дверь, нажать на кнопку звонка, чтобы ощутить всю сладость предчувствия встречи, но до сих пор он почему-то этого не сделал. Все ждал чего-то. Но чего именно? Когда у него кончится соль? Или ему срочно понадобится луковица? До этого момента он имел возможность наблюдать Риту лишь издали: вот она входит в подъезд, тоненькая, вся в белом, под мышкой – охапка цветов, завернутых в коричневую почтовую бумагу (в такой бумаге цветы доставляются в цветочные магазины); вот она стоит возле ворот и читает объявление, вся ее фигурка залита солнцем... Или зима, Рита в короткой белой шубке стоит, задумавшись, возле подъезда и лепит фигурку из снега... И лицо у нее нежное, розовое от морозца, свежее. Садовников, глядя на это дивное создание, спрашивает себя, какая на вкус кожа у Риты, ему хочется поцеловать ее щеки, лоб, губы...

В глазах стало все оранжевым от апельсинов, на которые он пялился все то время, что она рассказывала ему про свою сестру. Да какая, к черту, сестра, неужели она не понимает, что он меньше всего подозревает в убийстве мужа ее сестру... Что он зашел к ней, чтобы просто побыть рядом, послушать ее голос и поближе узнать ее.

– ...Некрасивая история, скажу я вам. Это было у Наташи дома. Я там была, мама, сосед зашел, самым последним пришел Миша, подшофе. Наташа испекла пирог, накрыла

на стол, мама ей помогала, но вид у нее был нездоровый... Я имею в виду Наташу. Я тоже решила помочь, пошла зачем-то на кухню, чтобы что-нибудь взять, яблоки, кажется... И тут же появился сосед, Дмитрий. Одиноким человек, очень привязан к Наташиной семье, кажется, даже влюблен в мою сестру... Так вот, и я, и Дмитрий, и еще мама, которая тоже как раз в эту минуту входила в кухню, мы все увидели, как Миша бьет Наташу. Ударил, знаете, прямо по лицу, отвесил оплеуху, а рука у него тяжелая... Наташа молча закрыла лицо рукой и так прямо и осела на пол... Мама, ни слова не говоря, бросилась к ней, вся бледная, схватила полотенце – и под холодную воду, приложила к ее носу... У нее же кровь открылась... Сосед резко так выскочил из кухни и ушел в гостиную, я – следом. Понимала, что, если сейчас начну что-то говорить, Мише не поздоровится, будет скандал... Я бы могла вылить на него, к примеру, графин с холодным компотом, он как раз стоял на холодильнике, но почему-то не сделала этого...

– И почему же? – очнулся Садовников и замотал головой, чтобы застывшие в его зрачках апельсины рассыпались, уступив место изящному силуэту Риты.

– Подумалось, что она объявила ему о разводе. Понимаете, выбрала подходящий, на ее взгляд, момент, когда в квартире гости, и объявила ему о своем решении. Я именно так и подумала. Я не знала, что у сестры ночью снова случился выкидыш, что она два часа как вернулась из больницы и пекла пирог, едва стоя на ногах... Это мне мама потом рассказала... Она тоже тогда ничего не знала. Вообще-то мы все повели себя как свиньи. Больше никогда не буду терпеть и сделаю то, что считаю необходимым. Просто я как-то растерялась. А ведь как мне хотелось ударить этого Генса!

– Рита, я приглашаю вас завтра на ужин... – неожиданно сказал Марк, словно все то, что только что говорила Рита, было не таким уж и важным. – Я бы хотел и сегодня, но у меня дела... Я ничего не успею приготовить. Можно было бы и в ресторан, но это как-то официально. Вы придете? В девять.

– Не знаю... – Она растерялась, удивилась этому неожиданному приглашению. – Если пальцы от краски успею очистить. Если от меня не будет пахнуть краской, то приду, – ляпнула она. – Это шутка. Конечно, приду. Только вы, пожалуйста, не подозревайте мою сестру, хорошо? Даже если выяснится, что у нее есть любовник... Да и вообще, зачем вам расследовать это убийство?! Мы похороним Мишу, и все. Не смотрите на меня так. Просто вы его не знали.

– Я обязан найти убийцу, – вздохнул Садовников и едва удержался, чтобы не встать и не схватить Риту, не сжать ее в своих объятиях. – Тогда до завтра?

– До завтра.

2

– Я звоню ей все утро, но она не берет трубку, домашний тоже молчит... Я волнуюсь... Паша, ты слышишь меня?

Лидия Григорьевна, женщина лет сорока пяти, моложавая, с бледным лицом, растрепанная, в накинутах на ночную рубашку халате, варила кофе на кухне. Ее муж, полноватый мужчина с красивой сединой, обрамляющей круглую смугловатую лысину, и с выразительным красивым лицом, чинил в прихожей розетку. Он и сам отчего-то нервничал, но старался разговаривать с женой спокойно, не выдавая своего волнения. С тех пор как его единственная дочь Виолетта вышла замуж, он потерял покой. Его ласточка выпорхнула из родительского гнезда, попала в лапы грубого и ничемного парня, и что бы Павел Дмитриевич ни делал, где бы ни был и о чем бы ни думал, мысли его постоянно возвращались к дочери. Где она сейчас, не нуждается ли в чем, достаточно ли у нее денег на себя и на малышку Дашеньку, не плачет ли она от грубости зятя, не страдает ли... Они с самого первого дня, как только Виолетта привела в дом будущего зятя, были против этого брака. Валерий не понравился им с первой встречи. Хамоватый, невоспитанный, чрезмерно уверенный в себе, даже наглый, он почти ничего не сказал при знакомстве, лишь поглядывал на своих будущих тестя и тещу с нескрываемой иронией или даже с отвращением, и всем, абсолютно всем, кроме Виолетты, конечно, влюбленной в этого проходимца с первого взгляда, было ясно: они не поладят. Семьи не получится. Причем никто ни с кем не поладит: ни Виолетта с мужем, ни зять с тещей и тестем. Но это была первая сильная влюбленность дочери, и она так хотела замуж, что вопроса – быть свадьбе или нет, не возникало: девочке исполнилось двадцать пять, все подруги вышли замуж, она оставалась одна... К тому же видимых причин для отставки будущего зятя не наблюдалось – все это у Павла Дмитриевича и Лидии Григорьевны было на уровне чувств, интуиции... Валерий вроде бы работал и даже зарабатывал какие-то деньги. А то, что у жениха не было собственного жилья, тоже как будто никого не удивляло: откуда ему взяться у скромного бухгалтера? Виолетте же к свадьбе была обещана новая двухкомнатная квартира – об этом родители побеспокоились заранее, когда девочке не было еще и восемнадцати лет.

После свадьбы, пышной и дорогой, оплаченной исключительно родителями невесты (мать жениха не пожелала даже явиться на свадьбу, ссылаясь на болезнь, хотя все знали, что у нее просто нет денег и ей стыдно), молодые стали жить в новой квартире. Павел Дмитриевич убедил Виолетту в том, что квартира пусть так и остается оформленной на имя матери (мало ли что), по этой же причине и мебель покупалась на имя Лидии Григорьевны (при разводе, так и подмывало сказать Павла Дмитриевича дочери, все это учтется) – Виолетта не возражала. И не потому, что не чувствовала унизости этой сделки и недоверия к своему молодому мужу со стороны родителей, нет, просто ей было на самом деле все равно, на кого что оформлено: мебель была красивая, дорогая, и у нее было право самой ее выбрать. Валерий не мог возражать, тем более что все приятные хлопоты, связанные с обустройством квартиры, он полностью доверил молодой жене. Самоустранился. Все равно же все покупалось на деньги тестя. Виолетта сразу забеременела и ужасно радовалась этому своему новому положению. Постоянно говорила о предстоящих родах (даже когда плоду было всего несколько недель), шила широкие платья и юбки у знакомой портнихи, давила себе соки, чтобы не падал гемоглобин, да и вообще старалась вести себя как настоящая женщина: двигалась плавно, даже разговаривать стала как будто медленнее, нараспев... Она преобразалась быстро, родители не успевали отследить эти изменения. Но через пару месяцев ее счастливая, полная новых женских ощущений жизнь разом закончилась: Валерий не пришел домой ночевать, он явился под утро, пьяный, в губной помаде («Как в пошлом, дешевом

анекдоте!» – заламывал руки Павел Дмитриевич, слушая дочь), и дал пощечину захлебывающейся в плаче Виолетте... Она сбежала из дома и неделю жила у родителей. Постоянно рыдала, отказывалась есть и поговаривала о самоубийстве. Лидии Григорьевне пришлось идти к зятю и уговаривать его прийти за Виолеттой, успокоить ее и объяснить ей, что это – единичный случай, что он во всем раскаивается, что он ее любит и жить без нее не может и что это он скорее наложит на себя руки, чем позволит ей еще раз так страдать... У нее не было выхода: надо было спасать дочь... Она так унижалась во время разговора с зятем, что ее чуть не стошнило от себя самой. Валерий молча согласился, никак не комментируя происшествие, ничего не объясняя и, как поняла Лидия Григорьевна, ни в чем не раскаиваясь. Вечером того же дня Виолетта с мужем под руку вернулась домой. И больше уже она родителям на мужа не жаловалась. Но из цветущей молодой девушки прямо на глазах стала превращаться в неразговорчивую и угасающую на глазах женщину. Так же тяжело, в депрессии, протекала и ее беременность. Она теперь редко навещала родителей, и все общение происходило лишь по телефону. Как она там жила, чем питалась, имела ли право распоряжаться теми деньгами, что давали ей родители, была ли она счастлива со своим мужем – никто ничего не знал. На все вопросы матери по телефону Виолетта отвечала, что счастлива, что у них с Валерой все хорошо, что он любит ее, что у них все есть и помогать не надо... Видеть свою дочь в течение нескольких часов подряд они могли лишь в семейные праздники, в дни рождения, которые в семье Вакуленко принято было отмечать пышно, с богатым столом и дорогими подарками. Обычно в такие дни и Виолетта старалась не показывать своего дурного настроения, улыбалась, шутила, но Лидия Григорьевна чувствовала, что дочка просто не хочет расстраивать своих родителей. Зять же на этих торжествах сидел молча и только ел и пил, причем много ел и много пил, что не могло не раздражать родителей жены. Лидия Григорьевна с горечью отмечала, что ее зять красив, весьма привлекателен и всегда хорошо и аккуратно одет. И присутствующие на торжестве женщины – жены приятелей или родственницы – просто не сводили с него глаз, что не могло не броситься в глаза. Но зять, казалось, не обращал на это внимания, был подчеркнуто вежлив со своей беременной женой и ухаживал за ней, насколько хватало его лицемерия: подкладывал Виолетте салаты, подливал компот, спрашивал, не желает ли она еще чего... Глядя через стол на зятя, Лидия Григорьевна едва сдерживалась, чтобы прямо здесь же, за столом, не сказать ему все, что она чувствует и думает о нем. Когда же шли тосты за здоровье и счастье молодой пары, теща и вовсе сходила с ума от бессилия что-либо изменить в этой жизни, в частности, разрушить, уничтожить этот брак и спасти тем самым свою дочь...

– Виолетта, доченька моя, – увещевала она дочь по телефону после каждого такого приступа ярости по отношению к зятю, – ну скажи мне, не бойся, как он к тебе относится? Ведь на тебе лица нет... Он пьет? Он изменяет тебе? Не ночует дома? Ну почему ты молчишь, почему не расскажешь маме, что у вас там происходит... Я же чувствую, что ты несчастлива...

– Мама, ну что ты все выдумываешь?! – слабо защищала свой брак и свой выбор Виолетта. – У нас с Валерой все хорошо. Ты же сама видела, как он ко мне относится... Он очень бережет меня, переживает за мою беременность... Не пьет, не изменяет, с чего это ты взяла... В тот единственный раз, когда он не пришел ночевать, была обыкновенная корпоративная, как это принято сейчас называть, вечеринка, дали премию, все напились, а губная помада – так это главбухша перепила и полезла к нему целоваться... Он даже не помнит, как так случилось, что он заснул в приемной на диване... А то, что я редко бываю дома, в смысле, у вас, так это никоим образом не связано с Валерой, просто у меня много домашних дел... Готовлю, стираю, убираюсь... У меня все хорошо. Что касается моего бледного вида, так ты не забывай, что я все-таки беременна, что у меня не все в порядке с кровью... Кроме того, у меня страхи... Я боюсь родов, но и это, как говорят врачи, бывает у беременных.

Так что не нагоняй на меня новых страхов. Я понимаю, Валера – красивый мужчина, ты же видела, как Лариска на него заглядывалась, племянница твоя, видела? Ну и что?! Я должна радоваться, что у меня такой муж...

Лидия Григорьевна не верила ни единому ее слову. Она мысленно готова была даже спровоцировать зятя на какой-нибудь неблагоприятный поступок, чтобы только Виолетта сама, своими глазами увидела, на что способен ее муж. Но Лидию Григорьевну сдерживало единственное: Виолетта уже один раз проговорила о самоубийстве, стоит ли рисковать, тем более что она так любит своего мужа...

После родов, которых Лидия Григорьевна очень опасалась, как и всякая мать, Виолетта неожиданно для всех расцвела, похорошела и даже как будто успокоилась. Исчезла бледность, молодая мамаша выглядела вполне счастливой. Но и это не убедило Лидию Григорьевну в том, что в семье ее дочери все благополучно, – она постоянно ждала какого-то нехорошего, невероятного события, которое подтвердило бы в глазах ее дочери ее нелюбимое мнение о зяте. Постепенно ее стойкое и вместе с тем болезненно-неприязненное отношение к Валерию переросло по непонятным, неосознанным причинам в ненависть. Возможно, это была обыкновенная ревность, но признаться себе в этом теща не могла и постоянно вынашивала планы разрушения этого брака, находясь одновременно в перманентном поиске нового мужа для своей красавицы-дочери. Однако время шло, внучке Дашеньке исполнилось полгода...

– Ну что, сделал розетку?

– Сделал. Может, поехать к ним? Спросить, что случилось? Может быть, у них телефон за неуплату отключили, и мобильники молчат по этой же причине... Знаешь, мне иногда кажется, что наши деньги улетают, как в прорву... Вспомни, как бывало раньше... Виолетта подкопит денег и купит себе то колечко, то браслетик... А сейчас? У нее же страсть была к украшениям... Она себе платье лишнее не купит, на золото потратится. Как же она изменилась... А какая красавица была, у нее столько партий было... И что только она нашла в этом Валерке?!

– Я сейчас Маше позвоню... Хотя она девка скрытная и недолюбливаю я ее, но все-таки она Виолеттина подруга, может, что и знает – где она и что с ней... Почему телефоны молчат?

Лидия Григорьевна, запахнув халат, устроилась удобно в кресле, как если бы намеревалась вести долгий разговор, и позвонила Маше Брагиной:

– Машенька, здравствуй. Это Лидия Григорьевна, узнала? Ты не знаешь, где Виолетта? Звоним ей целое утро – все телефоны будто в рот воды набрали. Думаем уже с Павлом Дмитричем к ним поехать...

Маша Брагина нигде не работала, не училась, жила одна и водила к себе мужчин, что, по мнению Лидии Григорьевны, делало ее в глазах общества гулящей, если вообще не проституткой. На какие деньги она жила, один бог знал. Хотя Виолетта как-то раз упомянула, что у нее есть какой-то воздыхатель, «папик», мужчина, годящийся ей в отцы, очень богатый, что будто бы он как раз ее и содержит. Но в это Лидии Григорьевне верилось с трудом: Маша была худа, некрасива, у нее не было даже груди, так, две точечные выпуклости...

«Ты бы посоветовала своей подружке сделать операцию, пусть ей вставят имплантаты, хотя бы грудь появится... А так – ни кожи ни рожи...»

И вот теперь Маша Брагина сонным и недовольным голосом отвечала Лидии Григорьевне, что она понятия не имеет, где Виолетта, но, скорее всего, дома, где же ей еще быть, у нее же маленький ребенок. А телефоны не отвечают – да мало ли что может случиться на линиях? Если даже они и не уплатили вовремя за телефон, разве это трагедия? Маша посоветовала ей успокоиться и не думать ни о чем дурном.

– Ну, подумайте сами, куда ваша дочка могла деться? Может, в магазин пошла или в парк гулять отправилась с Дашей... А вы Валере звонили? На его мобильный?

– Звонила, но он трубку не берет... Видит же мой номер, вот и не берет, а то ты не знаешь, какие у меня с ним отношения... Ладно, Машенька, извини, что побеспокоила... Если Виолетта вдруг объявится или ты до нее дозвонишься, перезвони мне, я тебя прошу...

Лидия Григорьевна бросила трубку с какой-то брезгливостью. Представила себе, как Маша эта лежит в постели своей – не одна, рядом с ней ее престарелый любовник, голый, волосатый, и он обнимает ее в то время, как Маша разговаривает по телефону. Фу, какая мерзость!

Не успела она положить трубку, как раздался звонок.

– Паша, ну, наконец-то, это точно она! – Лидия Григорьевна схватила трубку. – Слушаю! Кто? Не поняла...

Она кричала в трубку, не понимая, кто вообще имеет право отвлекать ее в такое время, когда она настроена услышать голос дочери...

– Какой еще Садовников? Я не знаю никакого Садовникова. Вы что-то спутали... Что? Ну да, это я, Лидия Григорьевна Вакуленко, слушаю вас... Да, у меня есть дочь Виолетта Крупина... И что же? Новости?

Она опустила трубку и посмотрела на стоящего в дверях мужа. Они оба, как сиамские близнецы, связанные одной, нависшей над ними бедой, как-то разом побледнели. Трубка повисла в воздухе...

– Паша, у них для нас какие-то печальные новости... Через пять минут этот следователь из прокуратуры, Садовников, будет здесь...

– Лида, что они тебе сказали? – почти шепотом спросил Павел Дмитриевич.

– Ничего, вот только то, что я тебе сейчас... Мне кажется, что я машинально нажала на рычаг, что я сама отключила телефон, словно не хотела слушать то, что мне собирались сказать... Паша... Что-то мне нехорошо...

– Лида, я ничего не понял... Следователь прокуратуры, говоришь? Это серьезно... Но ты подожди переживать, вдруг речь идет не о Виолетте, а о Валере... Сядь и постарайся взять себя в руки. Ты же понимаешь, нет, все мы понимаем, что рано или поздно что-нибудь должно было случиться... Она же предупреждала нас... Говорила, что с моста прыгнет... или примет таблетки... Неужели наша девочка не выдержала такой жизни и... Лида, ты должна была спросить, что случилось!

Следователь Садовников произвел на Лидию Григорьевну самое благоприятное впечатление: красавец-мужчина, в зеленых глазах светится ум... Кроме этого, он показался ей воспитанным и интеллигентным человеком. Вот бы такого мужа Виолетте... Эта мысль как-то сразу отделилась от всех тех мрачных мыслей, с которыми она ждала появления следователя.

– Павел Дмитриевич? Лидия Григорьевна... Вы должны набраться мужества... Ваша дочь... Виолетта...

Лидия Григорьевна закрыла глаза и в долю секунды увидела сиреневый в клубящемся утреннем тумане мост через Волгу, темную воду внизу, куда летит хрупкая фигурка в белом... Она непременно должна была надеть белое платье. Виолетта... Девочка... Кто ее выловил, рыбаки? Или ее нежное тело всплыло само?.. Но почему она, ее мать, не ошарашена этим известием, не кричит, не стонет, не катается по полу? Неужели она весь этот год ждала именно этого? Ждала и боялась. Предчувствовала, но ничего не могла предпринять, чтобы этого не случилось...

Она открыла глаза. Ее муж медленно оседал в кресло, словно ноги перестали держать его. А ведь и он тоже знал, чувствовал, что это произойдет...

– Как это случилось? – спросил Павел Дмитриевич едва слышно.

– Ее нашли в парке... Рядом – коляска с вашей внучкой. Но с девочкой все в порядке, и вы можете ее забрать прямо сейчас, она в больнице, ее осматривали врачи... Вашу дочь ударили тяжелым предметом по голове, она получила смертельную травму и скончалась на месте... Это произошло вчера, приблизительно в десять часов вечера... Судя по тому, что на погибшей не оказалось ни одного украшения, а в сумке – только паспорт (что, кстати, заметно облегчило нашу работу по выяснению личности погибшей), мы предполагаем, что ее убили с целью ограбления. Тело вашей дочери сейчас в морге, но забрать его вы сможете лишь через несколько дней... Мне бы хотелось знать, когда вы в последний раз видели Виолетту?

– Позавчера, – вяло отозвалась Лидия Григорьевна, так до конца и не осознавая, что ее дочери уже нет в живых. – Я купила ей творог и сметану, позвонила ей, она приехала, но пробыла у нас недолго, сказала, что у нее дома дела... Дашенька с ней была...

Она вдруг медленно повернула голову и, встретившись глазами с взглядом мужа, хотела еще что-то сказать, но не смогла...

– Я понимаю, вам сейчас тяжело, но все-таки... Вы не могли бы припомнить, какие именно украшения носила ваша дочь?.. Что именно у нее пропало, ведь обычно молодые женщины носят золотые цепочки, кольца... Нам надо выяснить, что именно было на ней вчера вечером и сколько денег она при себе могла иметь... Конечно, более подробную информацию нам может дать ее супруг, но он пока отказывается отвечать на какие-либо вопросы... Он в шоке...

– У Виолетты было довольно много украшений, и мне понадобится какое-то время, чтобы составить список... Хотя нет, я все поняла. Я должна методом исключения выяснить, что именно пропало... Но для этого я должна поехать к ней домой, посмотреть, что осталось в ее шкафу... Паша, мне что-то трудно дышать... Открой окна! Пожалуйста, откройте окна!!!

3

Марк возвращался домой в полночь. Поднимался по лестнице тяжелыми шагами, зная, что дома его уже давно никто не ждет, что ему снова придется самому готовить ужин и что ужин этот будет состоять из сосисок и черного хлеба, если только, конечно, в морозилке не завалялась пачка пельменей. Он очень устал и хотел спать.

В двери он нашел записку. Красивым женским почерком там было написано: «Марк, зайдите ко мне, даже если будет очень поздно. Рита». Это было настолько неожиданно и приятно, что он на некоторое время даже впал в оцепенение. Стоял на лестнице с запиской в руках и думал, что бы это могло значить. Новые обстоятельства дела об убийстве Ритино зятя или же... Хотя какое это имело значение сейчас, ночью, когда вместо унылого ужина наедине с телевизором ему предлагают романтическую встречу с самой прекрасной женщиной в мире – соседкой Ритой! Разве эта записка – не намек на свидание? Спать расхотелось, появились совершенно другие желания. Он позвонил в соседнюю дверь и замер, перестал дышать, представляя себе, как по квартире, шурша восхитительной юбкой, в разрезе которой таится голая нога самой соблазнительной из женщин, идет Рита – в руках у нее кисти, лицо сияет, рыжий завиток подрагивает на виске, а на губах – ночная, призывная улыбка...

– Это вы, Марк? – услышал он и счастливо вздохнул.

– Да, это я. Ничего, что так поздно?

– Вы извините, но я не могу вам сейчас открыть... Это просто невозможно. Я предполагала, конечно, что вы можете прийти в десять часов, даже в половине одиннадцатого, но в двенадцать... Я хотела бы открыть, но, поверьте мне, не могу...

– Почему? – вырвалось у него. – Рита! Что-нибудь случилось?

Он не мог видеть свою соседку, все лицо которой покрывала густая апельсиновая маска. Устав ждать Марка, она решила-таки заняться своим лицом. И теперь стояла перед дверью в халате, с оранжевым лицом и страдала от невозможности увидеться.

– Нет, ровно ничего... Совершенно. Мой зять, к счастью, не воскрес, а потому новых сведений о его убийстве быть не может... Понимаете, я очень хотела вас увидеть, но сейчас уже поздно...

– Вы не одеты? Так оденьтесь! – позволил он себе непростительную бестактность.

– Дело не в этом. Одежда здесь вообще ни при чем. Просто вы – мужчина, вы меня не поймете... Нет, я хотела не так сказать: вам меня не понять. Знаю-знаю, что вы скажете на это: не усложняйте жизнь, Рита, и правильно, между прочим, скажете. Но я привыкла к некоторым вещам, в которых не могу себе отказать...

– Хорошо, – сдержанно проговорил Марк, на которого вновь нахлынула сонливость. Даже есть расхотелось. Он представил себе, как входит в свою квартиру, раздевается и валится на кровать... Главное – снять ботинки... – Извините, что побеспокоил.

Дверь мгновенно распахнулась. В полумраке передней он не увидел никого.

– Входите уже, я постараюсь побыстрее...

Марк вошел и закрыл за собой дверь. На два замка. Словно боялся, что зайдет кто-то третий. Прошел в знакомую уже кухню и отметил, что апельсинов поубавилось. Подумал, что его соседка любит апельсины, значит, надо будет ей как-нибудь их купить. А еще – цветы. Апельсины она съест, а цветы поставит в одну из своих чудесных ваз. Его внимание привлек запах. Блюдо с чем-то вкусным, прикрытое салфеткой, стояло на столе возле плиты. Марк, зная, что его не видят, поднял салфетку и увидел жареные баклажаны. Густо-коричневые, они жирно поблескивали и издавали дивное чесночное благоухание. Чувствуя, что он не может поступить иначе, Марк взял один толстый сочный кружок и отправил в рот. Закрыл глаза от удовольствия... затем последовал второй кружок... Вот ведь жизнь – эта

женщина может позволить себе каждый день есть жареные баклажаны, да и вообще готовить себе все, что пожелается, а он, мужчина, который не умеет толком приготовить себе даже яичницу, вынужден питаться какими-то полуфабрикатами, бутербродами... Еще он должен проводить время в моргах, в душных кабинетах, допрашивая преступников, в заплыванных подъездах с трупами, встречаться с родственниками жертв и выступать в роли хладнокровного профессионала, выпрашивающего у них подробности жизни близкого человека, вот как сегодня, к примеру... Убита красивая молодая женщина, убита безжалостно, рядом с коляской с полугодовалой дочкой... Вот бы найти этого изверга и засадить его на полную катушку!..

А здесь его окружал совершенно другой мир – чистый, красивый, пропитанный вкусными запахами и женским неповторимым духом...

Он был прежде женат, но очень скоро разочаровался в жене, не мог не разочароваться, и даже возненавидел ее. Не самое приятное зрелище: ты возвращаешься из командировки и застаешь свою жену в собственной постели с собственным другом... Пошло, пошло, какая мерзость!!!

Когда на блюде осталось всего лишь несколько кусочков баклажанов, на пороге кухни появилась умытая, с блестящей кожей и гладко причесанными мокрыми волосами Рита. На ней был зеленый халатик, под которым угадывалось стройное, с полной грудью тело.

– Знаете, а ведь я специально для вас приготовила эти баклажаны, – улыбнулась Рита и, как показалось Марку, даже обрадовалась тому, что он позволил себе приложиться к ее ужину.

– Можете обзывать меня последними словами, но я был так голоден, а здесь так вкусно пахло... Я чуть с ума не сошел, когда попробовал... Вы простите меня?

– Это вы простите меня, что я заставила вас ждать... – Рита жестом пригласила его сесть. – Знаете, со мной всегда так: хочется сделать что-то хорошее, а получается... Я на самом деле ждала вас, и не как следователя прокуратуры, который ведет дело моей сестры, нет... И не как соседа, холостого мужчину, который кормится замороженными пельменями... Нет, Марк, мне хотелось поужинать с вами именно как с Марком, как с женщиной, который мне ужасно нравится. Ну вот, я, собственно, все и сказала. Вы еще не знаете меня, а потому мое поведение может вас шокировать, но в какой-то момент своей жизни я вдруг поняла, что мы, люди, слишком уж усложняем свою жизнь, постоянно обманывая друг друга или делая вид, что думаем одно, а поступаем совершенно иначе... Но мое признание не означает, что наши отношения как-то изменятся после этого ужина. Я – эгоистка, честное слово, и, приглашая вас к себе на ужин, я прежде всего думала о себе. Это я себе доставила удовольствие, заманив вас сюда... Вы улыбаетесь? Вы не верите мне и считаете, что я кокетничаю? Ничуть.

Она действительно вела себя естественно, несколько не переживая о том, какое впечатление произведет на Садовникова, и твердо знала, что после ужина он уйдет домой. Но Марк так не считал. За каждым произнесенным ею словом он, зрелый мужчина, читал совершенно другое: я счастлива, что ты пришел, я тебя ждала и сделаю все возможное, чтобы ты не ушел... И тем не менее он все равно не видел в ней той легкомысленной женщины, образ которой намечался в его сознании и еще не так давно готов был перерасти в пошловатое клише. Даже если бы она прямо сейчас скинула с себя халатик и раскрыла ему объятия, он все равно не увидел бы в этом распушенности, вульгарности. Он вдруг понял, что готов простить этой женщине все.

– Марк, только у меня к вам одна просьба... Не думаю, что вам будет сложно ее выполнить... Пожалуйста, никогда не просите меня написать ваш портрет. Этим вы только все испортите. Договорились?

И не успел он ей ничего ответить, как из духовки было вынуто мясо, а из холодильника – нежно-розовый салат...

– Это разврат... Я не привык к такой еде, я сейчас умру от счастья...

– Это лишнее. Не думайте, что я каждый день стряпаю, ничего подобного, я ужасная лентяйка, просто было настроение... К тому же я быстро готовлю и вообще никогда не понимала женщин, которые целый день варят один борщ... За день можно успеть столько всего... У меня, кстати, и пирог имеется. С черникой, любите?

И хотя Марк сдерживался, чтобы не наброситься на еду так, как он это делал, находясь один дома, зная, что ведет себя так потому, что его никто не видит; после того как голод был утолен, он вдруг повел себя так, как мечтал повести себя всегда, словно последовал примеру своей очаровательной соседки, – он стал естественен и принялся рассказывать Рите об убийстве Виолетты Крупиной... Рита слушала его, не перебивая. Заслушалась. На глазах выступили слезы.

– Ее убили рядом с коляской, в которой надрывалась от крика ее маленькая дочь?! И вам приходится этим заниматься... Вот это действительно дел так дело! Не то что убийство моего зятя. Как бы я хотела вам помочь найти убийцу! Но сразу скажу, что думаю по этому поводу: нельзя останавливаться на одной версии.

– Какой именно?

– Здесь и ребенок сказал бы, что налицо убийство с целью ограбления. Возможно, и так, но вы ведь этого не думаете? Чтобы убить человека из-за ревности, страха или еще по какой-либо причине и остаться безнаказанным, убийство можно замаскировать подо что угодно... Главное для преступника – чтобы следствие сразу же пошло по ложному пути.

– Рита, и это говорите вы?! Ушам своим не верю!

– А что я сказала особенного? Вы поймите, Марк, я – человек, далекий от юриспруденции, от профессионального подхода к расследованию преступления, значит, у меня есть шанс взглянуть на убийство свежим взглядом... Вот и пользуйтесь. Хотя я же знаю, что даже если очень попрошу, вы никогда не позволите мне помогать вам... А ведь я всегда мечтала ну хоть немного прикоснуться к вашей профессии... И интересно, и опасно, и благородно... Хотите еще пирога? Знаете, мне так нравится смотреть, как вы едите...

– Может, вы возьмете меня на полный пансион? Я буду отдавать вам всю свою зарплату, чтобы только так ужинать... Но, думаю, этих денег не хватит и на один ужин...

– Вы серьезно?

– Да нет, что вы... У вас своя жизнь, вы занятой человек, творческий, это я так, в порыве чувств...

– А жаль... Я сразу представила себе: накрытый стол, и вы, Марк, сидите за столом рядом со мной и ужинаете... В этом что-то есть... Но, к сожалению, это невозможно.

– Почему? Боитесь, что не справитесь? Или что я своими визитами буду мешать вашей творческой жизни?

– Нет, совсем не то. Просто я привяжусь к вам, а потом у вас появится другая женщина, и уже она будет вам готовить отбивные и печь пироги... Нет, в такие игры, смахивающие на замужество, я уже не играю. Вот использовать вас – всегда пожалуйста...

– Как это?! – чуть не подавился Садовников.

– Видеть вас, когда мне захочется. Кормить вас, когда захочется...

– А если мне захочется?..

– Что именно?

– Видеть вас, а у вас в это время будет другой мужчина?

– В этом весь фокус. У нас нет никаких гарантий, и это очень грустно. Все мы свободны до головокружения и одновременно никому не нужны. Это я уже проходила. Знаете, я тоже,

пожалуй, съем кусочек пирога... За фигурой своей я не слежу и терпеть не могу разговоры на эту тему. Уверена, что на свете есть темы куда интереснее...

– Согласен. Рита, я так хорошо поел. Никогда в жизни не получал от еды столько удовольствия! И дело здесь, я думаю, не только в самой еде, сколько в ваших руках, в вас... Мне так хочется вас поцеловать...

– Знаю. Мне тоже хочется, но мы не будем этого делать. И дело не в стремлении быть оригинальной... Мне страшно, понимаете? Видите, как я откровенна с вами... Вы поцелуете меня, потом уйдете, и я завтра буду постоянно думать о вас и о том, что между нами произошло, а вы не придете... Вот и посудите сами, зачем мне такая боль? Нет, Марк, давайте лучше я налью вам еще чаю... А что муж?

– Какой муж?

– Муж этой Виолетты? Он не причастен к убийству? Ведь он же мог заказать свою жену...

– Мужа зовут Валерий. Неприятный тип. Но вам бы понравился. Красивый, как киноактер. Но глаза холодные... Он говорит, что у него есть алиби, но проверить его довольно сложно: он был у женщины, любовницы, о чем он совершенно запросто нам сказал... Вот и посудите сами, можно ли верить любовнице?

– Смотря какой это человек. Интересно, как этот Валерий отреагировал на известие о смерти жены?

– Стал мрачным, вообще почти ничего не говорил... Только беспокоился о дочери. Он боится, что у девочки может быть реакция на событие... Хотя она маленькая, но он считает, что она понимала, чувствовала, что происходит...

– Думаете, его можно подозревать?

– В принципе, он – главный подозреваемый. Тем более что он признался в том, что уже давно встречается с другой женщиной, что любит ее и жил с Виолеттой последние месяцы просто из сострадания.

– А Виолетта знала о существовании любовницы?

– Он говорит, что, вероятно, догадывалась.

– Быть может, и у Виолетты тоже кто-то был...

– Об этом нам пока ничего не известно.

– Как же мне не хочется отпускать тебя домой...

– Что? – Марк встрепенулся, тряхнул головой. – Что ты сказала?!

– Главное, никогда не проси меня написать твой портрет... – Она закрыла глаза и дала ему себя поцеловать.

4

Берта Селезнева открыла дверь и увидела на пороге высокого брюнета в белой рубашке и джинсах.

– Моя фамилия – Садовников, я следователь прокуратуры, и мне поручено вести дело об убийстве Виолетты Крупиной... Надеюсь, это имя вам о чем-нибудь говорит?..

– Да, проходите, пожалуйста. Я знаю о том, что произошло, мне Валера звонил. И я догадываюсь, зачем вы ко мне пришли, как понимаю и то, что Валера просто не мог не открыться, ведь на карту поставлена его жизнь, его честь, его свобода наконец. Да, мы любовники, и в ту ночь он был у меня. Ведь именно это вас интересует...

Марк отметил про себя, что Берта успела подготовиться к его приходу, а потому собралась и выглядела довольно уверенно. Любовница Валерия, натуральная блондинка с синими глазами и хрупкой стройной фигурой, была в коротком черном платье. Густые волосы ее, аккуратно подстриженные чуть пониже ушей, были стянуты черной лентой. Траурное настроение уже успело поселиться в ее красивых глазах и отразиться в многочисленных зеркалах большой уютной квартиры.

– Хотите лимонада?

– Минеральной воды, если можно... – сказал и сразу вспомнил Михаила Генса, тоже вот в такую жару решившего открыть холодильник и выпить холодной минералки. Выпил – и умер. И сразу все для него было кончено. Как же легко и просто люди идут на убийство... – Берта, вы живете одна?

– Да. Но это не моя квартира, а моей сестры, которая вот уже два года живет в Испании, а я как будто сторожу жилье...

– Вы где-нибудь работаете?

– Да, конечно, вместе с Валерой, в одной фирме. Я тоже, как и он, бухгалтер. Мы с ним на работе и познакомились. Вы осуждаете меня?

– Не имею права. У каждого есть возможность выбора. Но ведь Валера был женат. Как долго он намеревался скрывать от Виолетты правду?

– Понятия не имею. Понимаете, я не из тех женщин, которые настаивают на разводе, на свадьбе... Мне было достаточно того, что Валера почти каждый вечер бывал у меня. Я очень люблю его и только лишь поэтому согласилась встретиться с вами и подтвердить его алиби... Он пришел ко мне вчера в восемь часов вечера. Он бы пришел и раньше, но у него были какие-то дела, кажется, он занимался покупками, а потом только приехал ко мне.

– В котором часу он от вас ушел?

– Поздно. Около двух часов ночи. Он уснул... и я не стала его будить. Это счастье – видеть его спящим... Вы не смотрите, что я такая спокойная, это не так, внешность обманчива... У меня все внутри перевернулось, когда я узнала о смерти Виолетты... Конечно, я не могла испытывать к ней теплых чувств уже хотя бы потому, что она была моей соперницей, и я, не скрою, завидовала ей в том, что она жила с Валерой в одной квартире, что она спала с ним в одной постели, кормила его завтраками, стирала его одежду, что она была чаще с ним, чем я... Но моя зависть ограничивалась лишь моей болью, когда я думала об этом... Ни я, ни тем более Валера никогда не могли желать ей смерти. Да и зачем ее убивать, когда для того, чтобы быть вместе с Валерой, мне было бы достаточно одного развода... Ни у меня, ни у Валеры не было мотива...

– Вы – любовница мужа и говорите, что у вас двоих не было мотива? Это вы так считаете, Берта... И самое неприятное в этой истории заключается в том, что вам никто не поверит... Вы же никогда не скажете правды... Если предположить, что это все-таки Валера убил свою жену, то кто, как не вы, его любовница, можете помочь ему с алиби? Это старая

история... – Садовников сказал это с такой грустью в голосе, что это настроение перешло Берте. Он вдруг понял, что повел себя не как следователь. Он всем своим видом словно хотел сказать ей: я-то верю вам, но больше-то никто не поверит, и вашего возлюбленного, вашего красавца Валерия, скорее всего, посадят за решетку...

– Но у вас же нет никаких улик против него! Подумаешь – его в момент убийства не видел никто, кроме меня... Разве это доказывает его вину? Что вы такое мне говорите?!

– Вероятно, вам мало что известно из этого дела... Виолетту убили камнем, который обнаружили неподалеку от места происшествия. Камень оказался острым, кожа была рассечена, брызнула кровь... И, к несчастью для вашего любовника, залила рукава его джинсовой куртки... Вернее, не так. Не залила, забрызгала. Но этих капель было вполне достаточно, чтобы понять, кто убийца. А вы говорите – алиби... Вам лучше во всем признаться и рассказать, как все было... Скорее всего, у вас обоих кончилось терпение. Валера позвонил своей жене и назначил ей встречу в парке...

– В десять часов вечера? Но зачем?

– Для того, чтобы убить ее... Вполне возможно, он надеялся, что его маленькая дочка к тому времени уже будет спать и что Виолетта придет в парк одна... Но она пришла с коляской... Не смогла оставить дочку без присмотра... Так скажите нам, Берта, как он объяснил своей жене, зачем он хочет встретиться с ней именно в парке и именно в десять часов вечера?

– Он пришел ко мне в восемь... Мы поужинали и сразу отправились в спальню... Мы даже телевизора не включали. Нам никто не был нужен и уж тем более – Виолетта... Повторяю, Валера никуда не отлучался! Мы были вместе и почти не выходили из спальни... разве что в кухню за вином или в ванну, если уж вас интересуют такие подробности...

– Но Виолетта мертва. А рукава джинсовой куртки Валеры забрызганы кровью его жены... Как вы можете это объяснить?

– Быть может, кто-то надел его куртку, назначил свидание Виолетте и убил ее...

– В чем был ваш любовник, когда пришел к вам? Говорите правду, потому что любая, даже самая маленькая, ложь вызовет у следствия большое недоверие...

– Да, на нем была джинсовая куртка... Он надел ее поверх черной спортивной майки... Но если, как вы говорите, рукава этой куртки – в крови его жены, то, быть может, это старая кровь... Может, они были вместе, когда у Виолетты пошла носом кровь и забрызгала рукава куртки... Тогда где-то может быть и носовой платок... Вас как зовут?

– Марк Александрович.

– Марк Александрович, что вы хотите от меня услышать? Что Валера пришел ко мне в восемь, а в половине десятого отправился в парк убивать свою жену? Не было этого, понимаете, не было! Так и можете записать в ваших документах. И когда-нибудь мы докажем это. Найдём хорошего адвоката, который сделает все, чтобы вы поняли, что Валера – не убийца... Какие еще вопросы ко мне у вас есть?

– Вы не знаете, у Виолетты не было никого... в смысле мужчины?..

– За ней ухаживал один человек, буквально преследовал ее, мне Валера рассказывал, но он очень стар, ему под семьдесят... Он богатый человек, у него дом в Ницце, квартира в Москве... Но основной бизнес у него здесь, в нашем городе... Понятное дело, что у него не было никаких шансов в отношении Виолетты, но любить-то никому не запретишь...

– Фамилию можете назвать?

– Я не знаю.

– А Валера?

– Думаю, что он в курсе.

– Они встречались?

– Я подробностей не знаю... Да и зачем это мне?

– Если бы, к примеру, Виолетта ответила на его чувства, вернее, согласилась бы на брак с состоятельным человеком, Валера бы стал свободен и вы могли бы пожениться...

– Никогда не думала об этом и не допускала такой мысли... Все-таки семьдесят лет...

– Вы не лукавите? В нашем городе не так уж и много состоятельных людей, у которых недвижимость в Ницце... Ну да ладно, можете не отвечать.

– А разве Валера сам вам ничего не говорил? – осторожно спросила она, и Марк понял, что она сожалеет о том, что рассказала о воздыхателе Виолетты.

– Не переживайте, я не выдам вас... Но все же прошу вас, помогите нам... Ведь убита молодая женщина, мать маленькой Даши... Я понимаю, она была вашей соперницей, и все же...

– Валера – не убийца. И мне очень жаль, что вы мне не верите. Валера... Вы его не знаете, его никто так не знает, как я... Да, он не любил свою жену, но это не преступление... И вы только тратите драгоценное время, находясь здесь и допрашивая меня. А в это время настоящий преступник на свободе... И это тот, другой человек расправился с Виолеттой. Насколько мне известно, ее же ограбили...

– Хорошо, Берта, я все понял. Прошу вас никуда не уезжать из города, возможно, вы нам еще понадобится...

Марк вышел от нее с твердым чувством, что она лжет. И что она сделает все возможное – будет врать, пойдет на преступление, чтобы только выгородить своего любовника. Это он прочел в ее взгляде. Она была отчаянно влюблена, и ему почему-то стало ее жаль... Он сразу же спросил себя, хотел ли он, чтобы Рита вот так же стояла за него, готова была на все ради его спасения... При мысли о Рите ему стало необыкновенно хорошо на душе, как-то благостно... Он вспомнил, как она провожала его утром, как накормила кашей и какао. Такой спокойный домашний завтрак... Он был готов прямо сейчас все бросить и вернуться к ней, забраться в ее постель и положить голову ей на плечо... Он был влюблен, так же, пожалуй, отчаянно, как и Берта... Значит, он должен понять ее, Берту. И что же дальше? Любовь, построенная на крови жены... Кровь на рукаве куртки... Об этом он узнал утром и сразу же арестовал Крупина. И кровь – свежая... Быть может, Берта права и кто-то воспользовался его курткой, чтобы, совершив убийство, подставить тем самым Валерия?.. Но Берта же сказала, что он был в куртке... Надо бы ей показать куртки, несколько штук, чтобы она опознала, в какой именно приходил к ней в тот вечер Крупин...

Щебетом птиц в глубине кармана проснулся телефон. На дисплее высветилось волшебное имя Маргарита. На губах тотчас проявились ее поцелуи, в животе сладко заныло.

– Слушаю...

– Марк, ты не мог бы мне сообщить адрес этой женщины, любовницы Крупина?..

– Зачем тебе? – удивился он. – Рита!

– Надо, – вздохнула она в своей мастерской. – Хочу своими глазами увидеть эту женщину...

– Хорошо, только не связывай свой визит к ней...

– ...с тобой? Нет, ни в коем случае! Предоставь мне немного свободы, очень прошу тебя...

Он слышал ее голос и словно видел ее, залитую солнцем, стоящую посреди своих картин и немного скучающую, погрузневшую после его ухода. Во всяком случае, ему так хотелось.

– Записывай адрес... Радищева, 25...

– И не переживай, я не позволю себе ничего лишнего, просто мне надо увидеть эту женщину, – повторила она. – Ты когда сегодня вернешься домой?

– Понятия не имею... Дел накопилось слишком много...

– Как я завидую тебе, у тебя такая интересная профессия... Целую тебя, Марк. До вечера.

Он отключил и поцеловал телефон. Какая, к черту, работа, когда в его жизни появилась такая женщина!.. И почему только он не позвонил в ее дверь раньше и не попросил соли?..

5

Целое утро Рита думала о погибшей Виолетте Крупиной. На столе в кухне перед ней стояла чашка с кофе, в пепельнице дымилась сигаретка. Не хотелось идти ни по магазинам, ни смотреть телевизор, ни укладывать волосы, ни путешествовать по Интернету, ничего... Даже постель убирать не хотелось, ведь простыни еще хранили в себе запах мужчины, который провел здесь всю ночь... Марк! Какой нежный, сколько же в нем накопилось любви... Она так расслабилась после ночи с ним, что чувствовала себя вялой, немного пресыщенной и предельно счастливой. Она вдруг представила себе, что родила ребенка от Марка, девочку, и отправилась с ней гулять по парку... поздно вечером... Нет, картинка эта давалась ей с трудом. Зачем это ей брать коляску и отправляться на ночь глядя гулять по парку? Что могло бы ее заставить выйти с дочкой из дома в столь поздний час? Стоп! Почему это все решили, будто бы Виолетта вышла из дома поздно? Она могла выйти и в пять, и в шесть и все это время где-то находиться, а потом уже возвращаться домой через парк, ведь ее дом расположен совсем рядом с местом убийства... Быть может, ей позвонил муж и попросил прийти? Но зачем, если он сам мог прийти домой, тем более что он знал – уже поздно и девочке пора быть в кровати?.. Никто не видел, сказал Марк, когда именно Виолетта вышла из дома. Нет достойных свидетелей, способных подтвердить алиби и самого Крупина. Любовница? На то она и любовница, чтобы любить мужчину, а не выдавать его следователям прокуратуры. Насколько лжива и продажна может быть эта женщина, чтобы покрыть преступление своего любовника? Именно этим и хотела заняться Рита, вместо того чтобы бесцельно слоняться по квартире и вспоминать каждую деталь недавнего свидания с Марком. Она очень боялась, что он больше не придет... Откуда взялся этот страх, она не могла объяснить. Ведь еще ни разу в жизни она не боялась так потерять мужчину, как сейчас. Хотя объяснение лежало на поверхности: она влюбилась в него и теперь попала в зависимость от него. Но вот хорошо это или плохо – она еще для себя не выяснила... Просто хотела, чтобы он всегда был рядом. Какое эгоистичное желание!

Она позвонила в дверь Берты Селезневой, еще не представляя, как завяжет разговор и как вообще объяснит свой визит...

– Кто там? – услышала она недовольный и даже как будто раздраженный женский голос.

– Вы – Берта?

– Да... Подождите, сейчас открою...

Дверь распахнулась, и Рита увидела красивую молодую женщину, блондинку с бледным растерянным лицом. Черное платье слишком коротко, но зато какие стройные, совершенно белые, не тронутые загаром ноги... Крупин запутался в этих ногах, задохнулся в этих стройных бедрах, утонул в этих светлых солнечных волосах...

– Ну точно! Это вы, я так рада! Извините, что явилась без приглашения... Я сейчас все объясню... Меня зовут Маргарита. Я – художница. Увидела вас недавно на улице и поручила одному своему знакомому мальчику проследить, где вы живете... Понимаете, я коллекционирую интересные лица. Мне очень хочется написать ваш портрет. Вот, собственно, и все. Я хорошо заплачу вам за сеансы... Не спешите отказываться. Ну что вам стоит немного посидеть и подумать о своей жизни, к примеру?.. Время для вас пролетит быстро... Я постараюсь как-нибудь развлечь вас, расскажу вам какие-нибудь идиотские анекдоты... Правда, я не очень-то хорошая рассказчица...

– Послушайте, Маргарита, это замечательно, что вы художница, но, согласитесь, это не очень хорошо – вот так вот вламываться в чужой дом...

– А что бы вы сделали на моем месте? Написали бы письмо с просьбой о позировании? Не слишком ли все это сложно? Я вижу, что вы никуда не спешите, что на вас домашнее платье...

– Ладно, проходите... Тем более что у меня сейчас на душе так скверно... Быть может, вы – именно тот человек, который мне сейчас нужен...

И она впустила Риту. Даже предложила ей кофе.

– Знаете, кофе я принесла с собой. Купила по дороге. Думаю, а вдруг так захочется кофе, а у вас нет...

– Какая вы странная. – Берта слабо улыбнулась. – Может, вы еще и масло с булочками купили?

– Нет, только кекс. Но очень свежий. Вы не боитесь испортить вашу прекрасную фигуру?

– Нет. Теперь я ничего уже не боюсь. Устала бояться. А где же ваш... инструмент, бумага?.. – Во взгляде Берты просквозила ирония.

– Все в сумочке. Вот небольшой альбом, карандаши, уголь... Сначала я хочу сделать эскизы...

«Ну вот и мои способности пригодятся для такого важного дела, как расследование убийства», – пронеслось в голове Риты, хотя где-то в глубине души она понимала, что ведет себя действительно странно, если не безрассудно, и что ею в данный момент движет не столько желание помочь Садовникову распутать дело об убийстве, сколько произвести на него впечатление. А ведь еще не так давно мужчины ее интересовали исключительно с эстетической точки зрения, и ей бы никогда в жизни не пришло в голову едва ли не на второй день знакомства отправляться знакомиться с абсолютно незнакомым человеком, да к тому же еще и любовницей главного подозреваемого в убийстве... Причем она действовала крайне решительно, словно уже поступала таким образом неоднократно и знала, как себя вести в подобных случаях. И задачу она перед собой ставила, как ей казалось, довольно простую: установить, склонна ли эта личность ко лжи, способна ли на соучастие в преступлении.

– И все равно, согласитесь, необычная ситуация... – Берта пригласила свою гостью в гостиную, усадила за стол и отправилась на кухню варить кофе. – Вы приходите ко мне, заявляете, что хотите написать мой портрет... А почему я должна вам верить?

– О, у меня и на этот счет имеются доказательства... Чтобы вы не подумали, будто бы я пришла ограбить вас... Вот смотрите, это я скопировала из Интернета: большая статья обо мне, с репродукциями моих картин, которые были проданы в Лондоне, а это, – Рита вертела в руках помятые листки, – частная выставка в Париже, где было выставлено несколько моих работ... Но вы ведете себя абсолютно правильно, я бы тоже отнеслась к подобному визиту посторонней женщины с недоверием... Однако пройдет немного времени, и вы поверите мне и даже будете благодарны в какой-то мере за то хотя бы, что я оставлю вам все эскизы: вы сможете вставить их в рамки и будете показывать своим друзьям...

Да, она намеренно вела себя таким образом, чтобы впоследствии именно Берта чувствовала себя обязанной ей, а не наоборот.

Другая женщина на месте Берты каким-нибудь образом прокомментировала бы это заявление, выказав свое удивление, если не презрение к вызывающе нескромной художнице. Берта же промолчала, пробежав взглядом по статье, лишь пожала плечами.

– Вы себе представить не можете, как несвоевременно и одновременно вовремя вы появились у меня... И вы на самом деле можете мне заплатить за позирование? – Берта поставила перед Ритой чашку с кофе и пододвинула тарелку с кексом.

– Да, я же обещала...

– И что же такого особенного вы нашли в моей внешности, что заставило вас прийти ко мне?

– Ваше лицо... Не знаю, как объяснить... Просто увидела готовый портрет... Знаете, у меня так бывает... Возможно, мне не удастся точно скопировать его, это не в моем стиле, но вашу сущность я непременно должна уловить...

– Надо же.... Зачем вам моя сущность?

– Я понимаю, у вас плохое настроение, я это чувствую, но это же временное состояние... Пройдет время, и оно поднимется, все в этой жизни меняется, к счастью... У меня, если хотите знать, тоже дурное настроение... Больше скажу – отвратительное, но я нахожу утешение в работе, в творчестве... Ведь если разобраться, то никому и ни до кого нет дела, согласитесь. У вас какие-то свои проблемы, я это вижу, а у меня – свои. Постараемся хотя бы на время забыть о них, вот и все. Вы еще не научились владеть собой настолько, чтобы ваше лицо не отражало ваших подлинных чувств?

– Нет, – со вздохом ответила Берта и еще больше погрузилась. – Да и зачем что-то от кого-то скрывать? Какой в этом смысл?

– Не знаю... Может, вы и правы.

Рита усадила свою грустную натурщицу таким образом, чтобы свет из окна освещал ее лицо, села напротив с альбомом, взяла уголь...

В комнате стало тихо, лишь шуршал по бумаге, оставляя черный жирный след, уголь.

Рита представила себе, как оживает эта комната да и вся квартира с приходом мужчины. Она словно видела сидящего в кресле любовника Берты – Валеру. На подлокотнике – Берта, она обнимает Валеру за шею, склоняется к нему, целует в голову, в теплые волосы... Она счастлива, что он нашел время заглянуть к ней. Она знает, что у него жена, маленький ребенок, и понимает, что не так-то просто будет ей дожидаться, пока разрушится эта заболелшая изменой семья. Но она будет ждать. Она будет делать все возможное, чтобы он, ее возлюбленный, наконец ушел из семьи, бросил и жену, и ребенка. Нет, ребенка, он, конечно, не бросит, будет заботиться о девочке; возможно, малышка время от времени станет появляться и в этой квартире... Берта будет делать вид, что любит эту девочку, постарается сделать так, чтобы она поскорее освоилась здесь и считала этот дом своим вторым домом. Она будет покупать ей игрушки и кормить сладкими пирогами.

Как долго Валера будет сидеть в этом кресле? Пригласит ли его Берта поужинать или у них это не принято? Ведь у них и так немного времени, поэтому, может, он и проведет в кресле всего несколько минут, а потом они отправятся в спальню... Они будут любить друг друга, как воры. Она будет воровать его у жены, Виолетты, а он будет воровать Берту у других ее любовников – бывших и будущих. Роман, основанный на лжи, – как ей это знакомо... Сколько женатых мужчин пытались стать любовниками Риты... Они приходили к ней с цветами, вином, готовые к измене, как к войне. Солдаты любви! Ну не смешно ли? Зачем тогда жениться? Чтобы было куда приходить, было бы что есть в чужом доме – да, уже в чужом? Чтобы просто была та, которая примет его всякого: больного, расстроенного, неудачливого, уставшего, слабого, голодного, нищего, – жена... Это к любовнице, вот к такой, как эта холерная и красивая женщина с немецким именем Берта, следует приходить в хорошем настроении, чистым, здоровым, полным любовных сил и с туго набитым кошельком...

Берта сидела прямо и задумчиво разглядывала стену напротив. Изредка бросала взгляды на художницу. Еще немного, и она расскажет ей, посторонней женщине, вторгшейся в ее жизнь, о том, что с ней произошло. Потому что не может больше молчать. Все ее счастье, ее любовь могут разрушиться по вине следователя, который не хочет поверить ей. И не потому, что у нее на лбу написано, будто бы она лгунья, нет. Просто она – любовница Валеры.

– У меня беда... – Она разлепила губы и поняла, что готова заплакать. Ей вдруг стало нестерпимо жаль себя.

– Да, я понимаю, что пришла нехстати... Но если я скажу, что и у меня тоже беда... И что я сбежала из дома, чтобы только не оставаться там... – вдруг произнесла художница и тоже помрачнела. – Не думаю, что мужчины страдают так же, как и мы...

– Откуда вы знаете, что это из-за мужчины?

– Чувствую. Вы живете одна, но время от времени у вас появляется мужчина... Так многие живут... – Рита выпрямилась и потрясла уставшей рукой. Потом сдунула черную угольную пудру с листа. Портрет не удался. Женщина, смотрящая на нее с альбомного листа, была кем угодно, но только не Бертой. Вот что значит работать без вдохновения и лгать...

– Понимаю, вы увидели мужские тапочки в прихожей, – догадалась Берта.

– Да нет, ничего такого я не заметила. Просто в доме не чувствуется мужской дух. Не знаю, как это объяснить. Но вы – красивая женщина, поэтому я предположила, что у вас кто-то есть. В этом вся проблема... Он есть, и одновременно его нет.

– Он есть, есть, есть!!! Но может так случиться, что его не станет. – Глаза ее повлажнили от слез. – Его жену убили вчера ночью, а его арестовали по подозрению в убийстве. А у него есть алиби, он был весь вечер у меня и никуда не отлучался! Но Садовников мне не верит!

– А Садовников – это у нас кто? – поинтересовалась художница, и сердце ее забило сильнее. Ей было приятно, что эта женщина упомянула имя ее любовника.

– Это следователь прокуратуры. Сначала я, когда увидела его, подумала: вот этот человек во всем разберется, он сделает все, чтобы Валеру выпустили... Но он не верит мне, я чувствую, не верит! Ему требуются свидетели. Но какие свидетели могут быть у меня в спальне? Только подушки да еще пальма в углу... Она видела, что он был один, вернее, что он был со мной... И никуда не уходил. Мы не спали. Он редко когда спит у меня... Хотя нет, что я такое говорю, он уснул. Это я почти не спала. Мне нравится смотреть, как он спит. Мы выпили немного вина, расслабились, а потом он заснул...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.